

Завещания крестьян как источник о социальном пространстве псковской деревни начала XX в.¹

Жизнь любого человека связана с выполнением им разнообразных социальных ролей. Так, крестьянин являлся и членом общины, членом семьи.

При описании социального пространства Псковской губернии исследователи используют самый разнообразный комплекс источников: приговоры сельских и селенных сходов, документооборот волостных правлений, материалы земской статистики и др.² Однако такой специфический источник как завещания крестьян ранее ими почти не привлекался. Это связано с рядом обстоятельств, в числе которых стоит отметить слабую сохранность нотариальных актов дореволюционного периода в Государственном архиве Псковской области (ГАПО), где в качестве самостоятельных фондов хранятся документальные собрания нотариусов: г. Новоржева — И. В. Борисенок (Ф. 388) и И. А. Дьяконова (Ф. 518); г. Опочки — Л. И. Игнатовича (Ф. 446), А. Х. Медведева (Ф. 842) и А. М. Петрова (Ф. 371); г. Порхова — В. В. Ольсейко (Ф. 207) и В. Я. Соболевского (Ф. 545), и г. Пскова — П. А. Шеляпина (Ф. 401). Количество дел в данных фондах невелико и в общей сложности составляет 17 единиц хранения. В основном это материалы, связанные с непосредственной деятельностью нотариусов: реестры актов, книги протеста векселей, проекты завещаний, духовные завещания на землю, описи книг и нотариальных дел. Такая плохая сохранность нотариальных фондов вызвана не только военными событиями, которые прокатились по территории Псковской земли в XX веке, но и тем обстоятельством, что в 1918 г. по распоряжению пришедших к власти большевиков нотариальные архивы подвергались уничтожению.

Никитина Наталья Павловна — кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета ПсковГУ.

Второй причиной слабого использования завещаний крестьян для анализа социального пространства деревни заключается в том, что наследование у крестьян в конце XIX — начале XX в. осуществлялось по нормам обычного и гражданского права.³ Таким образом, завещания могли иметь и форму устного распоряжения, что соответствовало нормам обычного права, и нотариального акта (духовное завещание), что соответствовало гражданскому праву.

В данном случае мы хотели сосредоточить внимание именно на духовных завещаниях псковских крестьян как источнике, дающем информацию о социальном пространстве деревни.

Проекты духовных завещаний крестьян и сами завещания были обнаружены в двух фондах ГАПО: фонде нотариуса г. Пскова П. А. Шеляпина (Ф. 401) и фонде новоржевского нотариуса И. В. Борисенко (Ф. 388). Новоржевский нотариус Игнатий Васильевич Борисенко (1862 г. рожд.) был выходцем из купеческого сословия, получил домашнее образование, служил нотариусом с 1908 по 1918 г. Павел Александрович Шеляпин продолжил дело своего отца — холмского нотариуса Александра Ивановича Шеляпина, и в 1879 г. имел нотариальную контору в г. Холме, однако уже в 1880 г. перевёлся в Псков, где и служил нотариусом до 1901 г.⁴

Книга проектов завещаний нотариуса И. В. Борисенко представляет собой тетрадь, прошитую и скреплённую печатью нотариуса и включает в себя 31 лист в линейку, хронологически она охватывает только 1908 год. Актовая книга за 1900 год специально закладывалась нотариусом П. А. Шеляпиным, имела больший формат и включала в себя таблицу на разворот листа по следующим разделам: № по порядку; № по реестру; содержание акта; кому и когда выдана выпись или копия. Объём актовой книги составлял

20 листов, также прошитых и скреплённых печатью. В данных книгах представлено в общей сложности 13 проектов и 20 духовных завещаний крестьян.⁵

Порядок совершения любого нотариального акта в Российской империи второй половины XIX — начала XX вв. имел следующий алгоритм: пришедшие к нотариусу лица объявляли условия сделки, нотариус высказывал своё мнение, объяснял последствия сделки, удостоверялся в добровольности совершения акта, правоспособности его участников, составлял проект акта, определял, кому выдать выпись, прочитывал сторонам проект, вносил в него в случае необходимости уточнения; после одобрения проект подписывался сторонами, после уплаты сбора текст акта вносился в актовую книгу, вновь прочитывался, подписывался, и затем выдавалась выпись. Законодательство требовало, чтобы личность человека, явившегося к нотариусу, подтверждалась документально или двумя доверенными лицами. Кроме того, свидетели требовались при совершении любого нотариального акта. Количество свидетелей определялось в два человека. Проекты завещаний, составленные И. В. Борисенко, свидетельствуют о соблюдении им всех требований законодательства. В проектах имеются исправления, указание на то, что в скобках не следует читать. Актовая книга П. А. Шеляпина уже не содержит таких исправлений. Таким образом, данному источнику, как выражающему волю крестьянина при свидетелях, можно доверять.

В соответствии с «Положением о нотариальной части» нотариус выполнял возложенные на него обязанности на территории определённого уезда, в то же время клиенты имели право выбора нотариуса. Так, из 20 крестьян, обратившихся за составлением завещания к псковскому нотариусу П. А. Шеляпину, 10 человек (50 %) проживали в Псковском уезде, 3 человека (15 %) в Островском, 2 (10 %) — в Порховском. Кроме того, ряд обратившихся к данному нотариусу крестьян были выходцами из других губерний: Петербургской — 4 человека (20 %) и Витебской — 1 крестьянин (5 %). Данный факт не случаен, ибо эти лица проживали в Псковской губернии — в Псковском и сосед-

нем Островском уезде. Из 13 крестьян, обратившихся к новоржевскому нотариусу И. В. Борисенко, 9 человек (69,2 %) являлись выходцами из Новоржевского уезда, двое (15,4 %) из Опочецкого, один (7,7 %) из Великолукского и один (7,7 %) — из Эстляндской губернии. В данном случае обратившиеся к нотариусу крестьяне являлись выходцами из соседних с Новоржевом уездов. Представленные данные позволяют говорить о том, что в псковской деревне начала XX в. проживали не только крестьяне собственно Псковской губернии, но и представители соседних. В Псковском и Островском уездах проживали крестьяне Петербургской губернии — из уездов, непосредственно граничащих с Псковской землей: Лужского и Гдовского. Белорусы и эстонцы, также в незначительном количестве, проживали в сельской местности Псковской губернии. Витебская и Эстляндская губернии граничили с Псковской землей. Миграционный поток из Прибалтийских губерний имел место в XIX в. и был связан с более низкой стоимостью земли в Псковской губернии по сравнению с Прибалтикой. Выходцев из этих территорий Псковская земля привлекала и схожими климатическими и природными условиями, агрокультурой и агротехникой. Населенные пункты в Псковской губернии были невелики по численности дворов — в среднем 6–8 дворов, что сближало их с хуторным типом селений в Прибалтике. Содержание завещаний позволяет говорить о наличии у выходцев из соседних с Псковской губернией территорий движимой и недвижимой собственности в Псковской земле и наличии здесь родственных связей (дети, племянники, сестры). Выходцы из Прибалтийских губерний иногда не владели русским языком, и при обращении к нотариусу пользовались услугами переводчика. Так, собственник пустоши в Горской волости Порховского уезда Иоган Михайлов Вольмен, говоривший на эстонском языке, пришёл на приём к нотариусу П. А. Шеляпину с переводчиком.⁶

В гендерном отношении среди завещателей были представлены как мужчины, так и женщины. Первые преобладали: так, из 33 завещателей только 5 (15,2 %) являлись представительницами женского пола.

Их социальный статус был разнообразным: «жена крестьянина», «вдова крестьянина», «крестьянка». К сожалению, нотариальные акты не фиксируют возраст обратившихся, который помог бы более чётко определить их социальную позицию. Все они завещали не только своё движимое имущество (по нормам обычного права женщина имела право на распоряжение своим имуществом, принесённым в семью мужа), но и недвижимое. Недвижимость крестьянки могли получить в результате завещания от мужа, отца, брата. Данный факт косвенно подтверждается другими духовными завещаниями крестьян, в которых лица мужского пола завещают недвижимое имущество лицам женского пола: женам, дочерям, сёстрам. Обратившиеся к нотариусам крестьянки явно относились к категории зажиточных, а в качестве наследства они передавали землю, дома и денежные накопления. Например, вдова крестьянина из Логозовской волости Псковского уезда Лукерья Кондратьева Афанасьева помимо недвижимого и движимого имущества, которое завещала сыну, сделала распоряжение о завещании двум храмам денег на поминки по 50 руб., а также 100 руб. племянникам и племянницам.⁷ Выделение отдельно денег на поминки для храмов в нотариальных завещаниях псковских нотариусов встречается крайне редко, и было характерно в основном для жителей городов. В данном случае возможно говорить о городском влиянии, тем более, что Логозовская волость располагалась рядом с Псковом. В завещании крестьянина д. Зоды Островского уезда Ефима Федосеева также упоминается о передаче трети от 26 дес. земли Никоновской церкви за вечное поминовение. В данном случае у Ефима Федосеева из родных в завещании упоминалась только жена и племянники. Возможно предположить, что родственников первого круга у крестьянина больше не было, и он был так щедр к церкви. Возможно, что лица, завещавшие что-либо для церкви, являлись глубоко верующими людьми. Достаточно большим недвижимым имуществом владела жена крестьянина Паниковической волости Псковского уезда Ксения Алексеева, которая завещала два дома в г. Пскове (Выползова слобода) двум дочерям и их детям. В завещании также

упоминается и супруг крестьянки, которому согласно завещанию, дочери должны бесплатно предоставить ему право проживания в одной из квартир дома. Подобный тип завещаний характерен для крестьян мужского пола, которые завещали имущество сыновьям с условием проживания в их доме матери. Представленные случаи завещаний женщин очень интересны, т. к. фиксируют высокую социальную позицию крестьянки и свободу распоряжения её своим имуществом, но при этом стоит указать, что данный факт касается именно обеспеченных женщин, проживавших вблизи города.

Крестьяне завещали недвижимое имущество своим детям (в основном земельные владения), указывая, каким образом оно приобретено. Так, крестьянин Ефим Федосеев указывает на то, что земля досталась ему по купчей крепости от купца Павла Лукина Пороснова. А Петр Никитин приобрёл землю с торгов. Данные факты свидетельствуют не только о том, что социальный статус данных крестьян в своей среде был высоким: они имели финансовую возможность приобрести землю. Участие крестьян в торгах на землю свидетельствует о включенности их в такие сложные сделки с приобретением земли как торги, а также моральной готовности их участия в них. Земля у Григория Терентьева, например, находилась в общем владении с 8 крестьянами из трёх деревень. Василий Иванов приобрёл землю по купчей крепости, но находилась она в черезполосном владении. Степан Николаев имел землю «в общем черезполосном владении с прочими соучастниками».⁸ Упоминание черезполосицы при владении землей свидетельствуют о сохранении старых традиций пользования земельными угодьями, даже в случае приобретения её в составе товарищества. Таким образом, крестьянин мог одновременно являться и собственником земли, и членом товарищества земельных собственников, и членом крестьянской общины. Количество земли, подлежащей наследованию, было разнообразным — от 4 до 60 дес.

В качестве наследства выступало также право ловли рыбы в озёрах и пользования лесом, а из движимого имущества крестьяне чаще всего завещали постройки. Так, кре-

стьянин Никифор Сергеев завещал своему сыну Степану Никифорову мельницу, амбар, здание, находящееся в аренде у земства и используемое в качестве волостной школы. Условием наследования являлось продолжение арендных отношений с земством.⁹

Завещания крестьян дают информацию и о дополнительных источниках дохода крестьян. Так, крестьянин Фёдор Семёнов завещал своим детям денежные капиталы в сумме 4256 руб., представленные заёмными письмами, закладными и кредитными бумагами.¹⁰ Несомненно, что Фёдор Семёнов занимался ростовщичеством, хотя и был неграмотным человеком. В проекте есть запись: «за него неграмотного расписался по его личной просьбе крестьянин Спиридонов Иван Иванов».¹¹ Несмотря на развитие в стране кредитных учреждений (банков, ссудо-сберегательных товариществ и др.), проблема с кредитом на неотложные нужды оставалась достаточно актуальной, поэтому в деревне, в том числе и псковской, развито было ростовщичество.

Количество наследников тоже было различным: от одного до четырёх и более. Интересен факт признания в качестве наследников внебрачных детей, например, Фёдором Семёновым: «внебрачным детям крестьянской девицы Новоржевского уезда, Посадниковской волости, д. Саболище Евдокии Антиповой — Андрею, родившемуся 11 августа 1904 г. и Афанасию, родившемуся 1 мая 1899 г., крещённым в Троицкой церкви, погоста Дубров Новоржевского уезда завещаю в полную собственность в равных долях: а) право на 15 дес. 2299 31/131 саж. земли при сел. Дуброво, в крепостном реестре № 32 от 30 сентября 1908 г.; б) 400 руб. по закладной крепости выданной Авдотьей Антиповой в сумме 800 руб. (25 июня 1905 г. № 1342;

в) 700 руб. по закладной крепости выданной Яковом Андреевым от 5 апреля 1897 г. № 30 со причитающимися по оной процентами, не полученными ко дню моей смерти. Если кто-то из них умрет до моей смерти, то доля целиком переходит к оставшимся в живых».¹² Такое официальное признание детей от гражданского брака могло несколько изменить их социальную позицию в крестьянском мире. Гораздо чаще наследниками имущества выступали сыновья и дочери от законного (церковного) брака. В ряде завещаний отдельно упоминаются дети от первого брака. В выявленных нами нотариальных документах отцы не оставляли им имущества под следующими предложениями: «Сыну Сергею от первого брака до этого не касаться, т. к. он 20 лет в отделении и при отделении был награждён»¹³, или «дети мои от первого брака, кои уже достаточно мною при жизни наделены, до всего этого дела не иметь и не вступаться».¹⁴ Таким образом, дети от первого брака фактически теряли право на наследство отца в случае его вторичной женитьбы. Большинство нотариальных актов, связанных с завещаниями, заключалось явочным порядком к нотариусу, хотя имели место и домашние нотариальные акты; последние могли заверяться лицами духовного звания. Несомненно, что практика составления нотариальных завещаний в среде псковских крестьян не являлась массовым явлением.

Таким образом, документы нотариата позволяют выявить социальные сдвиги в среде псковского крестьянства в условиях модернизации второй половины XIX — начала XX вв., связанные с развитием частной собственности на землю, включением крестьян в кредитную кооперацию, изменением социального статуса женщины в сельской местности.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, грант № 14-11-60001 «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации».
- ² Подробнее см.: *Алиева, Л. В.* Вклад псковских земских статистиков в изучение социального пространства Псковской губернии второй половины XIX в. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 41. Псков: ПГПУ, 2014. С. 38–41.
- ³ Подробнее см.: *Никитина Н. П.* Вопросы наследования в крестьянской среде в конце XIX — начале XX в. (на примере Северо-Запада России) // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России. К 150-летию отмены крепостного права в России. Труды межрегиональной научной конференции 20–22 сентября 2011 г. Псков: ООО Печатный Двор «Стерх», 2012. С. 265–275.
- ⁴ Памятная книжка Псковской губернии на 1901 г. Псков, 1901; Памятная книжка Псковской губернии на 1899 г. Псков, 1899; Памятная книжка Псковской губернии на 1895 г. Псков, 1895; Памятная книжка Псковской губернии на 1893 г. Псков, 1893; Памятная книжка Псковской губернии на 1891 г. Псков, 1891; Памятная книжка Псковской губернии на 1889 г. Псков, 1889; Памятная книжка Псковской губернии на 1888 г. Псков, 1888; Памятная книжка Псковской губернии на 1886 г. Псков, 1886; Памятная книжка Псковской губернии на 1883 г. Псков, 1883; Памятная книжка Псковской губернии на 1882 г. Псков, 1882; Памятная книжка Псковской губернии на 1881 г. Псков, 1881; Памятная книжка Псковской губернии на 1880 г. Псков, 1880; Памятная книжка Псковской губернии на 1879 г. Псков, 1879; Памятная книжка Псковской губернии на 1913–1914 г. Псков, 1913; Памятная книжка Псковской губернии на 1911–1912 г. Псков, 1910; Памятная книжка Псковской губернии на 1909–1910 г. Псков, 1909; ГАПО. Ф. 624. Оп. 2. Д. 12.
- ⁵ ГАПО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 1; Ф. 401. Оп. 1. Д. 1.
- ⁶ ГАПО. Ф. 401. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об.-10.
- ⁷ ГАПО. Ф. 401. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.
- ⁸ ГАПО. Ф. 401. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.
- ⁹ ГАПО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12.
- ¹⁰ ГАПО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–30.
- ¹¹ ГАПО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- ¹² ГАПО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–30.
- ¹³ ГАПО. Ф. 401. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. 401. Оп. 1. Д. 1 Л. 10.